

А. В. Камкин

**СЕВЕРОРУССКИЕ МИКРОТЕРРИТОРИИ В XVIII ВЕКЕ:
из опыта самоорганизации народной жизни
в «эпоху абсолютизма»**

Универсальная северорусская крестьянская триада — «волость-приход-община» — вступила в эпоху нового времени, обладая многопоколенным опытом саморегулирования и самоорганизации. XVIII век заметно ускорил процесс интеграции указанной триады в российские государственно-власт-

-
- * В связи с этим предположением я не могу теперь со всей уверенностью отстаивать свои сейчас уже устаревшие предположения, изложенные в моей статье: «К изучению семинарско-школьного вклада во фразеологию восточнославянских языков» в сборнике «Язык и культура. Вторая международная конференция. Доклады», Киев, 1993 С.112-118. Здесь подобраны также другие фразеологизмы с компонентом *зуб*: *выучить, знать на зуб(ок), чтобы от зубов отскакивало* и т.п.

ные и церковно-административные структуры. Разумеется, нельзя сказать, что подобная интеграция стала присуща чернососному Северу лишь в XVIII веке, — она вполне выявлена и в рамках предыдущих периодов истории [1]. Новой была его интенсивность и наступательность, вызванная к жизни известными особенностями российской государственной системы так называемого абсолютизма, общим нарастанием принципов всеобщей регламентации в управленческой практике.

Вместе с тем, нетрудно заметить, что две крупные реформы местного управления, проведенные в XVIII столетии (петровская и екатерининская), практически не затронули традиционных границ и институтов крестьянских сообществ Севера. Без видимых изменений для деревенских приходов прошло и учреждение огосударствленной Синодальной Церкви и последовавшая после губернской реформы 1775 года подгонка епархиальных границ под губернские. Вот почему вполне закономерен вопрос о реальном статусе, состоянии и жизнедеятельности традиционных крестьянских сообществ в таких условиях. Вопрос этот сложен и многогранен [2].

В рамках данной статьи высвечивается лишь одна из его граней — судьбы микротерриторий. Имеются в виду те малые, локальные союзы-объединения волостей, приходов и общин, которые естественно сформировались в ходе освоения и заселения Севера и всегда существовали в его реальной территориально-пространственной системе. Они как бы дополняли официальную двухзвенную административную систему XV-XVII веков (уезд-волость) и всегда *de facto* признавались властью. Микротерриториальные объединения усиливали позиции крестьянских миров в различных социальных коллизиях и в крестьянском обществе осознавались в качестве необходимого института самоорганизации. Специальное изучение вопроса о традиционных межмировских микротерриториях оправдано еще и потому, что петровское четырехзвенное местное управление (губерния-провинция-уезд-волость) и екатерининское трехзвенное (губерния-уезд-волость) формально не предусматривали каких-либо иных административно-территориальных промежуточных образований. А это значит, что случаи их бытования в XVIII веке могут существенно поправить имеющиеся представления о реальной практике местного управления. Весьма важно это и для накопления знаний о традиционных этнокультурных ареалах и всем укладе духовной жизни деревни той поры.

Основными источниками данной статьи стали документы Генерального межевания земель, губернские и уездные планы и атласы (РГАДА, Ф. 1355, 1356), фонды местных учреждений в центральных архивах (РГАДА, ф. 451 — Великоустюгская провинциальная канцелярия, Ф. 609 — Яренская воеводская канцелярия, Ф. 1206 — Устюжский архиерейский дом), в том числе коллекции волостных фондов в архиве С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Ф. 138 — Дмитриевская Устьянская волостная изба). В республиканских и областных архивах Европейского Севера Российской Федерации обследованы фонды местной администрации губернского и епархиального уровня: Архангелогородской губернской канцелярии, Вологодского наместнического правления, Великоустюгской провинциальной канцелярии, Вологодской казенной палаты, Архангельской,

Водогодской и Великоустюгской духовных консисторий. Особенно тщательно просматривались фонды уездного звена: воеводских канцелярий, уездных казначейств, городских магистратов, нижних и верхних расправ, нижних земских судов, уездных духовных правлений, православных приходов и др. Именно здесь находятся документы (доклады, рапорты, донесения, представления и записки крестьянских должностных лиц, порядные, поручительства, отпускные и заемные письма, расписки, подписки, квитанции, изветы, договоры, свидетельства, одобрительные письма, мирские челобития, наказы крестьянским посыльщикам и мн. др.), отражающие все многообразие действий традиционных крестьянских сообществ в конкретной исторической и социокультурной среде, а также непосредственное повседневное проявление взаимосвязи «власть-общество».

Использованный документальный массив позволил вполне уверенно выделить наиболее типичные варианты бытования неформальных или полупоформальных микротерриторий на Европейском Севере в XVIII веке.

Во-первых, в официальном делопроизводстве и управленческой переписке XVIII века не переставала употребляться традиционная группировка волостей в пределах уездов. Так, в Нижнем Подвинье волости, расположенные в районе Холмогор, продолжали именоваться Околопосадными, в районе Архангельска — Низовскими или Окологородными, в среднем течении Двины — Емецкими, т.е. как бы сохранялись существовавшие в прежние века «трети» уезда. В подобные же «трети» продолжали объединяться и волости Велико-Устюжского уезда — Сухонская, Двинская и Южская (т.е. расположенная по реке Югу). В Коми крае во всех управленческих ситуациях также постоянно имелись в виду прежние волости-земли — Вычегодская земля, Вымская земля, Удора, Ужга, Сысольская земля и пр. В деловой переписке архангелогородского губернатора Е. А. Головцына (1760-1770-е годы) волости Ваги, как и прежде, продолжают группироваться в станы: Верховажский (5 волостей), Вельский (6 волостей), Тавренский (9 волостей), Ромашевский (8 волостей) и т.п. Подобные кусты волостей имелись и в иных зонах Европейского Севера [3]. Источники свидетельствуют также о том, что власти в XVIII веке при необходимости опирались на указанные объединения волостей не только при переписке и организации разного рода сборов (денежных сумм, информации и т.п.), но и при ведении судебных и розыскных дел, при организации выборов крестьянских поверенных в Уложенную комиссию 1767 года, а позднее — в ходе формирования новой модели местного управления и судопроизводства по Екатерининской реформе 1775 года — при выборах заседателей в нижние и верхние расправы.

Во-вторых, подобные микротерритории нередко использовало и крестьянское самоуправление. Как правило, потребность в межволостном единении возникала при организации совместного несения государственных повинностей, особенно новых (рекрутской, охраны лесов, мобилизации для строительства Петербурга, содержания питейных и соляных магазинов и пр.). В таких случаях фиксируются межволостные сходы мирских поверенных. Примером может стать состоявшийся в марте 1795 года многолюдный (80 представителей) сход пяти волостей Тотемского уезда по поводу задержки с выплатой прогонных денег «за почтовую гоньбу» по Устюжской дороге.

Был избран общий посыльщик, которому сход поручил добиваться — «где надлежит» — восстановления справедливости. Ярким примером такого же единения волостей было и совместное выступление 11 Окологородных волостей Двинского уезда в 1766 году, протестовавших против растущей дороговизны на архангельском хлебном рынке [4]. Впрочем, объединялось крестьянское самоуправление не только для организаций акций протеста, чаще межволостные сходы собирались для поиска оптимальных путей исполнения государственных повинностей — выбора общего рекрута, распределения обязанностей по содержанию путей коммуникаций и пр.

В-третьих, свои микротерритории создавали традиции межприходского общения и православного благочестия. Так, известно, что священникам некоторых храмов поручалось быть духовниками для священно- и церковнослужителей ближайших приходов и членов их семей. Практически создавались своего рода локальные союзы приходского духовенства, основанные не только на территориальной близости, но и на особом духовном единении, неизбежно вытекавшем из совместного причащения и исповедования общему духовнику. Сравнение указанных объединений с межволостными микротерриториями хоть и не показывает их полной идентичности, но всегда обнаруживает совпадение их исторического ядра [5]. Близки к межволостным микротерриториям были и «заказы» — церковно-административные округа, объединявшие от 8 до 15 приходов и находившиеся под контролем старшего священника («десятского попа», позднее — благочинного).

Известны обычаи межприходских крестных ходов. Повсеместно бытовали традиции межприходского поклонения местночтимым святым, явленным, чудотворным или особо почитаемым иконам. Так, известен массовый межприходской крестный ход 6 июля в Дедовскую Троицкую пустынь (Тотемский уезд), ежегодный крестный ход к небольшой Никольской часовне на территории старинного Лявленского прихода в нижнем Подвинье, паломничества богомольцев из всех соседних приходов к иконе священномученика Власия (Тулгаский приход Подвинья), почитание всем нижним Поонежьем чудотворной иконы великомученицы Варвары (Владыченский приход) и многое др. [6].

Показательно, в-четвертых, что во многих микротерриториях образовывались малые круги храмоименований. В данном случае имеется в виду та особенность в пространственном размещении приходских церквей, когда именования их престолов образовывали вполне законченную систему в пределах микротерритории (иными словами, в ее пределах наличествовали все принятые в Православии группы храмоименований: господские, архангельские, богородичные, апостольские и пророческие, во имя святых и святынь). Подобная сакральная география, вмещавшая в себя всю полноту православных духовных ценностей, существенно укрепляла единство микротерритории. Между приходами микротерритории складывались традиции взаимопосещения в дни престольных праздников. В течение года престольные праздники перемещались из прихода в приход, благодаря чему каждый из них раз в году становился центром большого народноправославного торжества всей микротерритории. К единению историческому, торгово-хозяй-

ственному, тягловому-податному и пр. добавлялось единение литургическое, духовное.

Наконец, в-пятых, тяготение крестьянских сообществ друг к другу могло вызываться общим владением недвижимой собственностью, а также принадлежностью к той или иной категории крестьян.

Таким образом, у нас есть все основания считать, что реформы местного управления XVIII века почти не затронули микротерриториальные системы расселения, т.е. первую и самую близкую крестьянским сообществам внешнюю территориально-пространственную среду. В своей основе они остались традиционными. Существовая неформально (или — до поры до времени — полуформально), микротерритории продолжали сохранять огромный запас прочности. Ее истоки лежали в генетической общности близлежащих волостей и приходов, в многообразии объединяющих факторов, а также подкреплялись природно-географическими особенностями севернороссийских ландшафтов. И в условиях XVIII века сохранялась многовариативность крестьянских сообществ и эффективность их взаимодействия в пределах микротерриторий. При этом историческая действительность указывает на заинтересованность в сохранении таких пространственных систем как со стороны крестьянских сообществ, так и провинциальной (уездной) администрации. Для одних они умножали силу воздействия акций социальной защиты, были первым шагом за круг внутриволостного (внутриприходского) пространства, средством обогащения форм общения, укрепления духовного и праздничного строя деревни. Для других микротерритории становились удобным средством оперативного информирования, управления и контроля за государственными крестьянами в обширном и редкоселенном пространстве Европейского Севера России.

Можно говорить и о том, что российской государственно-административной, территориальной и правовой системе XVIII века была свойственна готовность к региональной адаптации, к осмотрительному ее совмещению с исторически оформившейся системой расселения, хозяйствования, социальной и духовной организации черносошно-государственной деревни Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. 1-2. М., 1909, 1912.; Колесников П. А. Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976; Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье XVI — XVII вв. Сыктывкар, 1979; История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984; Швейковская Е. Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII века. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1993.

2. Камкин А. В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века. Вологда, 1990; Его же. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1993.

3. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 1-22, 107-110; Д. 649. Л. 1-2 и др.; Д. 13254; Ф. 88. Оп. 1. Д. 140. Л. 7-7 об. и др.

4. ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 710. Л. 721 об.; Камкин А. В. «Недородные годы» в нижнем Подвинье (комплекс источников 1766-1767 гг.) // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992.

5. ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9.; ГАВО. Ф. 496 Оп. 1. Д. 469. Л. 331-331 об.; Оп. 19. Д. 390. Л. 16-108.

6. Амвросий. История российской иерархии. Ч. 2. М., 1810; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. С. 88-91, 178-182; Вып. 2. С. 182-186.